Z 53 — 502

453/502

ОБЩЕДОСТУПНАЯ
ИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.
общей редакціей Я. Д. Маковскаго.

№ 10.

Ф. П. АРБАТСКІЙ.

ЦАРСТВОВАНІЕ НИКОЛАЯ II.

Цѣна 20 коп.

Изданіе Д. Я. МАКОВСКАГО.
Москва, 1917 г.

502

ОБЩЕДОСТУПНАЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.
Подъ общей редакціей Я. Д. Маковскаго.

№ 10.

Ф. П. АРБАТСКІЙ.

Царствованіе Николая II.

ИЗДАНІЕ Д. Я. МАКОВСКАГО.
Москва, 1917 г.

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 22530 1967

БИБЛИОТЕКА
ГОСУД. ИСТОРИЧ. МУЗЕЯ
№ 0946
1936

МОСКВА—1917.
Товарищество типографіи А. И. МАМОНТОВА.
Арбатская пл., Филипповскій пер., 11.

Въ рядѣ монарховъ, низвергнутыхъ революціонными движеніями, Николай II занимаетъ особое и исключительное мѣсто. Съ нимъ нельзя сравнивать ни ловкаго и талантливаго Карла I англійскаго, ни безхарактернаго и добродушнаго Людовика XVI французскаго. Отличительными чертами павшаго русскаго царя можно признать лживость и вѣроломство. Черезъ всю его дѣятельность, какъ правителя, проходятъ эти черты, будь ли то вопросы внутренней или внѣшней политики. Въ самомъ дѣлѣ, кто, какъ не онъ громко провозглашалъ „съ высоты трона“ конституціонныя начала, и самъ же при всякомъ удобномъ случаѣ нарушалъ ихъ. Кто, какъ не онъ торжественно призывалъ весь міръ къ разоруженію, и самъ же затѣялъ безсмысленную и пагубную для Россіи авантюру съ русско-японской войной. Можно было-бы привести еще много другихъ подобныхъ примѣровъ.

Эти отличительныя особенности характера своеобразно сочетались съ крайне выспреннимъ представленіемъ о сущности и объемѣ царской власти. Даже драпируясь въ одежды конституціоннаго монарха, Николай II всегда оставался ярымъ и безусловнымъ сторонникомъ *самодержавія*, былъ абсолютистомъ самой чистой воды.

Завѣты предковъ, исконныя начала, власть отъ Бога, изначальность самодержавія—всѣ эти старыя и знакомыя формулы то и дѣло встрѣчаются въ манифестахъ, рескриптахъ и рѣчахъ новѣйшаго времени. Не сложенъ

и мало оригиналенъ былъ самый способъ аргументаціи.

Начало царствованія ознаменовано грознымъ окликомъ о „безсмысленныхъ мечтаніяхъ". Но въ послѣдующіе годы столь непримиримую позицію пришлось сдать. Однако, отступая шагъ за шагомъ, Николай II все-же при всякомъ благопріятномъ поводѣ возвращался къ идеѣ самодержавной власти.

Преобразованія, намѣченныя манифестомъ и рескриптомъ отъ 18 февраля 1905 г., начинались съ витіеватаго заявленія: „Преемственно продолжая Царственное дѣло Вѣнценосныхъ Предковъ моихъ—собираніе и устроеніе Земли Русской....." Въ знаменитомъ отвѣтѣ депутаціи земскихъ и городскихъ дѣятелей, принятыхъ 6 іюня 1905 г., царь сказалъ: „Пусть установится, какъ было встарь, единеніе между царемъ и всею Русью, общеніе между мною и земскими людьми, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ." Черезъ пятнадцать дней, т. е. 21 іюня того-же года, депутаціи отъ крупно-землевладѣльческаго дворянства уже было сказано слѣдующее: „Только то Государство сильно и крѣпко, которое свято хранитъ завѣты прошлаго. Мы сами противъ этого погрѣшили, и Богъ за это, можетъ быть, насъ и караетъ". Вѣроятно, чтобы не было никакихъ сомнѣній въ полной искренности началъ, провозглашенныхъ манифестомъ 17 октября 1905 г., Николай 16 февраля 1906 г. заявляетъ: „Самодержавіе мое остается такимъ, какимъ оно было встарь". Еще знаменательнѣе въ этомъ отношеніи характерныя заявленія въ манифестѣ 3 іюня 1907 г. вмѣстѣ съ разгономъ 2-й Государственной Думы, измѣнившемъ систему выборовъ. „Только власти, даровавшей первый избирательный законъ,—исторической власти Русскаго царя, довлѣетъ право отклонять

оный и замѣнять его новымъ"—говорится въ одномъ мѣстѣ. Другое, не менѣе краснорѣчивое—гласитъ: „Отъ Господа Бога вручена намъ власть надъ народомъ нашимъ. Передъ престоломъ Его мы дадимъ отвѣтъ за судьбу державы Нашей". Врядъ-ли кто-нибудь рискнетъ считать это за языкъ *конституціоннаго* монарха. Не возстанутъ-ли скорѣе, при этомъ, старыя тѣни и не послышатся-ли изъ глубины вѣковъ политическія опредѣленія Ивана Грознаго: „Земля правится Божіимъ милосердіемъ и родителей нашихъ благословеніемъ, а потомъ нами, своими государями"... „Русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ своими царствами"...

Конституціонный монархъ XX вѣка, въ своемъ обоснованіи государственной власти мало чѣмъ отличающійся отъ тирана XVI столѣтія,—явленіе, по истинѣ, замѣчательное! Впрочемъ, самъ Николай II, по видимому, понималъ, что времена Московской Руси ближе къ его политическимъ идеаламъ. Не даромъ онъ, особенно въ послѣдніе годы, такъ занялся реставраціей старины. На большомъ придворномъ маскарадѣ Николай явился въ костюмѣ царя Алексѣя Михайловича, котораго онъ громко афишировалъ своимъ идеаломъ. Въ недавнее время въ Царскомъ Селѣ возведены были постройки въ старинно-русскомъ стилѣ; въ числѣ ихъ былъ и Ѳедоровскій соборъ, гдѣ подъ сѣнью православнаго храма происходили кощунственныя хлыстовскія радѣнія. Но старина въ новизнѣ отражалась, какъ въ кривомъ зеркалѣ. Такъ, для проведенія въ жизнь идеаловъ Грознаго не доставало опричнины. Что касается до пресловутаго единенія царя съ народомъ, то оно проявилось, развѣ, въ единеніи царя и его семьи съ пьянымъ и развратнымъ мужикомъ. Сама жизнь разрушала иллюзіи, время дѣлало свое дѣло.

Можно смѣло сказать, что никто такъ дѣятельно

не способствовалъ паденію монархическаго принципа въ Россіи, какъ Николай II. Ничтожный по существу, онъ сдѣлалъ грандіозное дѣло. Старый строй рухнулъ, какъ падаетъ дерево, въ корень пораженное смертоносной червоточиной.

I.

Николай II родился 6 мая 1868 года. Воспитаніе и образованіе его было поручено, по обыкновенію, генералу, нося поэтому достаточно односторонній характеръ. За исключеніемъ, пожалуй, Александра II, всѣ русскіе монархи послѣдняго времени были лишены широкаго образованія. На первомъ планѣ стояли военныя занятія, опять таки чисто внѣшнія; все же остальное было придаткомъ, недостаточно хорошо преподаннымъ и въ такой же степени усвоеннымъ. Государственные навыки Николай получалъ отъ отца своего Александра III, этого типичнаго и стильнаго представителя самодержавной власти, неуклоннаго охранителя старыхъ устоевъ. При Александрѣ III Россія переживала эпоху жесточайшей реакціи: урѣзывались судебные уставы, введенъ былъ институтъ земскихъ начальниковъ, на окраинахъ велась политика обрусѣнія, уничтожалась финляндская автономія и т. п.

Такова была политическая обстановка, въ которой возросъ Николай. Будучи престолонаслѣдникомъ, онъ мало принималъ участія въ государственной дѣятельности; властный отецъ не много давалъ ему воли. Единственно, пожалуй, можно отмѣтить его предсѣдательствованіе въ комитетѣ Дальняго Востока и закладку великаго Сибирскаго пути. Ни то, ни другое не сдѣлало, однако, его знатокомъ дальневосточныхъ дѣлъ, какъ не сдѣлало его имъ и путешествіе въ Японію. Это

путешествіе, которое для прозорливаго и наблюдательнаго государственнаго человѣка могло бы дать многое, для Николая II ограничилось лишь пораненіемъ въ результатѣ покушенія какого-то японскаго фанатика.

21 октября 1894 г. Николай II вступилъ на престолъ послѣ смерти своего отца. Для всего русскаго общества обликъ новаго монарха, его политическія воззрѣнія, навыкъ въ государственныхъ дѣлахъ, степень работоспособности являлись совершенно неизвѣстными. Надо сказать, что во всей послѣдующей дѣятельности Николай лично мало старался идти на встрѣчу обществу въ дѣлѣ ознакомленія его со своими государственными взглядами и дѣятельностью. Если Вильгельмъ II пользуется всякимъ удобнымъ или неудобнымъ случаемъ, чтобы разразиться длинной рѣчью или трескучей резолюціей, то Николай II страдаетъ обратнымъ. Рѣчи его всегда блѣдны и банальны, резолюціи кратки и малосодержательны. Вполнѣ можно, поэтому, повѣрить его комоличному заявленію, отличающемуся похвальной скромностью: „Я никогда не готовлюсь къ тому, что говорю при постороннихъ. Но, помолясь Господу Богу, говорю, какъ само выходитъ“. Изъ собранія царскихъ реченій официальному панегиристу удалось привести кажется, только одно, отличающееся большей или меньшей самостоятельностью. Увлеченный казацкими пѣснями и плясками, царь произнесъ: „Кровь такъ и ходитъ. Все бы сокрушилъ, кажется, глядя на нихъ“.

Не зная политическихъ воззрѣній новаго властителя, общество возлагало на него различныя надежды. Создалась даже легенда о „либерализмѣ“ Николая въ бытность его наслѣдникомъ. Но розовыя мечты скоро должны были разсѣяться. Уже въ манифестѣ о восшествіи на престолъ говорилось, что новый императоръ „ни въ чемъ не уклонится отъ вполнѣ миролюбивой, твер-

дой и прямодушной политики (Александра III), столь мощно содѣйствовавшей всеобщему успокоенію". Земцы воспользовались перемѣной на тронѣ и въ своихъ адресахъ высказали цѣлый рядъ пожеланій, отличающихся большой умѣренностью. Наиболѣе радикальнымъ считали адресъ тверского губернскаго земскаго собранія, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Мы ждемъ, Государь, возможности и права для общественныхъ учрежденій выражать свое мнѣніе по вопросамъ, ихъ касающимся, дабы до высоты престола могло достигать выраженіе потребностей и мысли не только администраціи, но и народа русскаго..."

Эти выступленія земскихъ людей встрѣтили явно враждебное отношеніе.

На пріемѣ депутацій отъ дворянства, земствъ, городовъ и казачьихъ войскъ (17 января 1895 г.) Николай сказалъ: „Мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія; пусть всѣ знаютъ, что я, посвящая всѣ свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный покойный родитель".

Всѣ сомнѣнія относительно политическаго настроенія императора такимъ образомъ разсѣялись. Земцы поняли, что нужна реформа снизу, и усиленно принялись за работу. Кромѣ работы на мѣстахъ, пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы наладить совмѣстную общую работу. Правительство, съ своей стороны, старалось тормазить эту дѣятельность, всячески урѣзывая или сокращая тѣ или другія права земскихъ учрежденій. Будущій „отецъ русской конституціи" Витте, усиленно старавшійся тогда добиться особаго

расположенія царя, выступилъ съ цѣлой запиской о самодержавіи и земствѣ, гдѣ рѣзко обрушивался на послѣднее. По странной ироніи судьбы былъ заподозрѣнъ въ либерализмѣ и сочувствіи земству никто другой, какъ И. Л. Горемыкинъ!

Въ періодъ 1895—1904 гг. шла неустанная борьба правительства со всякими, даже самыми безобидными проявленіями русской общественности. На ряду съ земцами расправу производили съ литераторами, учеными и студенчествомъ. На одинъ 1899 годъ падаютъ: закрытіе Московскаго Юридическаго Общества за рѣчь Муромцева на Пушкинскомъ юбилеѣ, высылка историка Якушкина за рѣчь объ общественныхъ взглядахъ Пушкина, высочайшее повелѣніе отъ 29 іюля „объ отбываніи воинской повинности воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, удаляемыми изъ сихъ заведеній за учиненіе скопомъ безпорядковъ“.

Репрессіи не достигали цѣли, сплачивая, наоборотъ, общественные круги въ сознаніи общаго недовольства существующимъ правительствомъ. Особенно ярко сталъ проявляться этотъ разладъ, когда министромъ внутреннихъ дѣлъ и фактическимъ вершителемъ всѣхъ судебъ Россіи сталъ Плеве. Еще болѣе усилилась система всяческаго зажиманія рта. Съ другой стороны ширилось какъ либерально-общественное, такъ и крайне-революціонное движеніе. Земцы создаютъ заграничный журналъ „Освобожденіе“ (съ 1902 г.), который выставляетъ требованіе конституціи, наконецъ, организуется „Союзъ Освобожденія“, получившій широкое распространеніе во всѣхъ концахъ Россіи. На январьскомъ учредительскомъ собраніи этого „Союза“ (1904 г.) было постановлено: „Союзъ Освобожденія“ ставитъ своей первой и главной цѣлью—политическое освобожденіе Россіи. Считая политическую свободу даже въ самыхъ минимальныхъ

ея предѣлахъ совершенно несовмѣстимой съ абсолютнымъ характеромъ русской монархіи, „Союзъ“ будетъ добиваться, прежде всего, уничтоженія самодержавія и установленія въ Россіи конституціоннаго режима“.

Правительство въ это время рѣшило еще круче расправиться съ ненавистнымъ земствомъ. Начало того же 1904 г. ознаменовано разгромомъ Тверского земства по плану, вдохновленному самимъ Плеве. Николай охотно скрѣпилъ его резолюціей: „Согласенъ“. Но, между тѣмъ, назрѣвали грозныя событія. Разразилась нежданно и негаданно для всѣхъ война, скоро не стало и Плеве.

II.

Отнюдь не желая выступать въ роли преобразователя внутренняго строя своего государства, Николай II мечталъ о лаврахъ международнаго примирителя. Въ циркулярѣ отъ 30 декабря 1898 г. и нотѣ отъ 12 августа того же года царь обращается ко всѣмъ государствамъ съ знаменитымъ предложеніемъ о разоруженіи, вѣрнѣе сказать, о прекращеніи дальнѣйшихъ вооруженій. Была собрана въ торжественной обстановкѣ Гаагская мирная конференція, не приведшая, однако, къ опредѣленнымъ результатамъ, благодаря оппозиціи Германіи и Австріи.

По великой ироніи судьбы, самому „миротворцу“ пришлось первому нарушить свое предложеніе и ввязаться въ войну.

Уже со времени Александра III въ русской внѣшней политикѣ сталъ замѣчаться переходъ отъ ближневосточной (Балканской) политики къ политикѣ дальневосточной. Слабость Китая съ одной стороны, плохое знакомство съ реальными силами Японіи съ другой стороны—направляли эту политику. Въ

1899 г. Россія начинаетъ строить съ помощью французскихъ милліоновъ и подъ охраною русскихъ войскъ роковую манчжурскую дорогу. Въ слѣдующемъ 1900 г., послѣ подавленія боксерскаго движенія въ Китаѣ, Россія оставляетъ въ Манчжуріи многочисленную армію.

Не удовлетворяясь этимъ, она пытается положить руку на Корею. Въ періодъ 1902—1903 гг. оборудывается пресловутое лѣсное предпріятіе на Ялу въ сѣверной Кореѣ. Группа сановныхъ авантюристовъ съ статсъ-секретаремъ Безобразовымъ и контръ-адмираломъ Абазой во главѣ получаетъ неслыханное вліяніе при дворѣ и, преслѣдуя цѣли своей личной наживы, руководитъ всей внѣшней политикой. Напрасно министры Витте, Ламздорфъ и Куропаткинъ указываютъ на возможность, благодаря этимъ концессіямъ, войны съ Японіей; безотвѣтственные совѣтники дѣлаютъ свое дѣло. Военный министръ въ своемъ докладѣ, указывая на боевую подготовленность японской арміи, говоритъ въ то-же время, что „внутренніе враги, стремящіе къ разрушенію самыхъ священныхъ и дорогихъ основъ русскаго государственнаго строя, проникли даже въ ряды арміи“.

Совсѣмъ на другой точкѣ зрѣнія стоялъ Плеве. Для него побѣдоносная война (въ быстрой побѣдѣ въ началѣ войны очень многіе не сомнѣвались) была наиболѣе удачнымъ выходомъ изъ тяжелаго внутренняго положенія. Одному изъ губернаторовъ всесильный диктаторъ сказалъ: „Война вызоветъ подъемъ патріотическихъ чувствъ, благодаря чему ослабнетъ противоправительственная агитація“.

Но надежды верховъ не оправдались. Холодно и сдержанно встрѣтило объявленіе никому ненужной войны русское общество. Вѣсти-же о цѣломъ рядѣ военныхъ неудачъ сплотили его еще больше въ одномъ чувствѣ полнаго недовѣрія къ существую-

щему порядку. Если петербургскіе авантюристы громко бряцали оружіемъ и хвастливо говорили о „военной прогулкѣ“ въ Токіо, то на самомъ Дальнемъ Востокѣ и русская армія и русскій флотъ оказались въ далеко неподготовленномъ состояніи. Героизмъ русскихъ солдатъ, неизвѣстно за что клавшихъ свои кости на дальнихъ поляхъ чужой стороны, сводился на нѣтъ никуда не годнымъ командным составомъ.

Бездарные генералы и адмиралы ссорились другъ съ другомъ, теряли голову въ рѣшительныя минуты... и проигрывали одно сраженіе за другимъ. Пораженіе подъ Ляояномъ (августъ 1904 г.), паденіе Портъ-Артура, пятнадцатидневный бой подъ Мукденомъ съ роковымъ для насъ исходомъ (февраль 1905 г.), морская катастрофа при Цусимѣ (май 1905 г.)—все пораженія и пораженія, безъ одной побѣды, опредѣлили неудачный исходъ войны. Усилившееся внутри страны движеніе широкихъ слоевъ русскаго общества заставило правительство согласиться на мирное посредничество президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, тѣмъ болѣе, что и Японія жаждала мира. Въ Портсмутѣ былъ заключенъ мирный договоръ, по которому Россія должна была отказаться отъ наступательной политики на Дальнемъ Востокѣ. Война дорого обошлась русскому народу, не говоря уже о загубленныхъ человѣческихъ жизняхъ. Общая сумма денежныхъ расходовъ исчисляется въ пять милліардовъ рублей. Болѣе всего отъ войны выиграла Германія, толкавшая Россію въ рискованныя предпріятія подальше отъ западноевропейскихъ границъ, и подъ шумъ войны обдѣлывавшая свои дѣла съ торговымъ договоромъ, превращавшимъ Россію въ экономическую колонію Германіи.

III.

Неудачи русско-японской войны всколыхнули русское общество. Активно сталъ проявляться и терроръ. 15 іюля 1904 г. Плеве былъ убитъ бомбой, брошенной Сазоновымъ подъ его карету. Вновь назначенный министръ внутреннихъ дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскій, провозгласилъ лозунгъ „довѣрія“ къ общественнымъ силамъ. Наступила такъ называемая „эпоха весны“.

Но весна была типичная петербургская, гнилостная и неустойчивая, отравленная ядовитыми туманами и злокачественными лихорадками.

6—9 ноября 1904 г. состоялся официально неразрѣшенный земскій съѣздъ, на которомъ подавляющимъ большинствомъ была принята резолюція о созывѣ народныхъ представителей. На предстоящихъ земскихъ собраніяхъ рѣшено было во что бы то ни стало поднимать,ь обсуждать и проводить въ жизнь рѣшеніи ноябрьскаго съѣзда. Народилась новая пресса, проникнутая демократическимъ духомъ; явочнымъ порядкомъ стали основываться союзы, объединившіеся впослѣдствіи въ „Союзъ союзовъ“. Организована была въ прежде безгласной странѣ цѣлая серія политическихъ банкетовъ.

Правительство чувствовало себя болѣе чѣмъ неустойчиво, не зная, какой линіи держаться. 12 декабря появился высочайшій указъ, говорившій объ „устроеніи крестьянской жизни“ и указывающій на предстоящія въ будущемъ „крупныя внутреннія преобразованія“.

Въ то-же время весьма скромное ходатайство черниговскаго земства было признано „дерзкимъ и безтактнымъ“. 14 декабря опубликовано было правительственное сообщеніе, грозившее земствамъ карами за поднятіе вопросовъ, не входящихъ въ ихъ компетенцію.

Грозно и бурно начинался 1905 годъ. Уже начало

января ознаменовалось знаменитымъ „кровавымъ воскресеньемъ". 9 января рабочіе Петербурга, организованные въ особое „Общество русскихъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ" священникомъ Гапономъ, рѣшили идти къ царю съ петиціей о своихъ нуждахъ, нуждахъ всего русскаго народа. Движеніе было стихійнымъ и небывалымъ въ исторіи.

Вотъ былъ моментъ дѣйствительнаго сліянія царя съ народомъ! Вмѣсто этого, толпа рабочихъ, шедшихъ къ Зимнему дворцу, была встрѣчена войсками. Произошла возмутительная бойня, положившая кровавую, ничѣмъ несмываемую печать на чело вѣнценоснаго монарха. Вѣсть о 9 января, какъ эхо, прокатилась по всей Россіи. Во многихъ мѣстахъ начались стачки рабочихъ, грандіозныя демонстраціи, открытыя революціонныя выступленія. Особенно бурными были событія въ Варшавѣ и Лодзи.

Правительство, раздражившее широкіе общественные слои, выступило 18 февраля съ указомъ и рескриптомъ на имя новаго министра внутреннихъ дѣлъ Булыгина. Въ рескриптѣ говорилось о намѣреніи „привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній". Создалось, такимъ образомъ, с о в ѣ щ а т е л ь н о е представительство, никого уже не могущее удовлетворить. Мало довѣрія внушала Булыгинская комиссія, учрежденная для обсужденія проектовъ преобразованія и выработки совѣщательной Думы, мало довѣрія внушало правительство, гдѣ первую роль игралъ полицейскій генералъ Треповъ, взлетѣвшій на высоту въ качествѣ вѣрнаго слуги престола послѣ 9 января. Интересно отмѣтить, что, идя скрѣпя сердце на уступки, правительство оставляло лазейку для отступленія. Въ

день рескрипта 18 февраля былъ опубликованъ и манифестъ, подлежащій прочтенію въ церквахъ. Въ этомъ манифестѣ говорилось объ „ослѣпленныхъ горлынею злоумышленныхъ вождяхъ движенія“ и „благомыслящіе люди всѣхъ сословій и состояній“ призывались къ искорененію крамолы и разумному противодѣйствію „смутѣ внутренней“.

Движеніе среди различныхъ слоевъ населенія, между тѣмъ, усиливалось. Собравшійся подъ вліяніемъ извѣстій о Цусимской катастрофѣ и крупныхъ внутреннихъ безпорядкахъ съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей (24—28 мая 1905 г.) постановилъ обратиться къ царю съ адресомъ черезъ особую депутацію. Въ адресѣ говорилось о созывѣ народныхъ представителей безъ замедленія, указывалось на пороки и недостатки все еще существующаго „ненавистнаго и пагубнаго приказнаго строя“. Заканчивалось обращеніе предостерегающими словами: „Не медлите, Государь! Въ страшный часъ испытанія народнаго велика отвѣтственность Ваша передъ Богомъ и Россіей“.

Депутація была принята 6 іюня и въ отвѣтъ на пламенную рѣчь кн. С. Н. Трубецкого царь сказалъ, между прочимъ: „Отбросьте ваши сомнѣнія: моя воля — воля царская созывать выборныхъ отъ народа—непреклонна; привлеченіе ихъ къ работѣ государственной будетъ выполнено правильно. Я каждый день слѣжу и стою за этимъ дѣломъ“. Но сомнѣваться было вполнѣ возможно, т. к. не далѣе, какъ 21 іюня царемъ была весьма благосклонно принята депутація реакціонныхъ дворянскихъ круговъ.

Событія шли своимъ чередомъ. Весна и лѣто 1905 года ознаменованы цѣлымъ рядомъ выступленій рабочаго пролетаріата и крестьянскими безпорядками. Почти вся Россія охвачена была бурными волнами принявшаго

широкія формы движенія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигавшаго особенно крупныхъ размѣровъ (безпорядки въ Лодзи, Иваново-Вознесенскѣ, Прибалтійскомъ краѣ и т. д.). Колоссальное впечатлѣніе произвелъ бунтъ въ Черноморскомъ флотѣ. Въ ночь съ 14 на 15 іюня въ одесскій рейдъ пришелъ взбунтовавшійся броненосецъ „Потемкинъ Таврическій". Революціонные матросы нѣкоторое время держали въ своихъ рукахъ почти весь городъ. Остальная эскадра не вступила съ ними въ бой. Не получивъ въ дальнѣйшемъ нужнаго подкрѣпленія, „Потемкинъ", ушелъ и разоружился въ Румыніи. Это было новое грозное предостереженіе царскому правительству, возлагавшему всю свою вѣру на силу штыковъ.

Въ іюлѣ шли петергофскія совѣщанія о формѣ народнаго представительства, а въ августѣ 1905 г. появилось положеніе о Совѣщательной Государственной Думѣ.

IV.

Долго сопротивлялся царь желанію и стремленію народа. Все, что возможно, было сдѣлано, чтобы урѣзать обѣщанный странѣ представительный строй. Совѣщательная Дума 6 августа была насмѣшкою надъ народными надеждами. И вѣсть о ней лишь раздражила народъ.

Страна волновалась. Броженіе проникало повсюду, недовольство росло вездѣ. Жертвы 9 января вопіяли къ небу. Ужели даромъ боролись рабочіе, ужели безплоденъ подвигъ „Потемкина"? Ужели позоръ японской войны пройдетъ безслѣдно для Россіи?

Царь продолжалъ свою близорукую и трусливую политику: отстаивать власть, пока это представляется безопаснымъ, но въ крайнемъ случаѣ уступать. И вотъ,

чтобы предотвратить готовившіяся студенческія волненія и чтобы привлечь на свою сторону прогрессивную профессуру, вліяніе которой было огромнымъ, и авторитетъ которой въ странѣ стоялъ чрезвычайно высоко, правительство идетъ на частичную уступку: 27 августа университеты получаютъ нѣчто вродѣ права самоуправленія.

Но всеобщее политическое возбужденіе нельзя было погасить подобными мѣрами. Открываются университеты, собираются сходки, молодежь ярко выражаетъ собою настроеніе народа. Сходки превращаются въ митинги, университетъ сливается съ фабрикой и улицей. Растетъ рабочее движеніе. Пытаются подавить его силою, — не помогаетъ. Вся Россія бастуетъ, движеніе принимаетъ небывалые размѣры. Оружіе казаковъ и жандармовъ безсильно.

Царь испугался. Не находя вокругъ себя никого, кто могъ бы дать ему нужный совѣтъ, удрученный и растерянный, онъ обратился къ Витте, котораго лично никогда не любилъ, но на котораго только и оставалась надежда. Витте спѣшно составилъ всеподданнѣйшій докладъ, гдѣ утверждалъ, что Россія переросла форму существующаго политическаго строя и созрѣла для гражданской свободы. Практическимъ выводомъ доклада явился совѣтъ царю обратиться къ народу съ манифестомъ, въ которомъ были бы возвѣщены гражданскія свободы, обѣщано всеобщее избирательное право и совѣщательная Дума была замѣнена законодательною.

Государь написалъ на докладѣ Витте: „принять къ руководству“. Вслѣдъ за тѣмъ княземъ Оболенскимъ былъ немедленно составленъ соотвѣтственный манифестъ, который и былъ подписанъ 17 октября 1905 года.

Манифестъ заключалъ въ себѣ четыре главныхъ пункта: 1) дарованіе населенію гражданской свободы

2) привлеченіе къ участію въ Государственной Думѣ по возможности представителей всѣхъ слоевъ населенія и предоставленіе дальнѣйшаго развитія начала общаго избирательнаго права вновь созданнымъ законодательнымъ учрежденіемъ; 3) установленіе въ качествѣ незыблемаго правила, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силы безъ одобренія Государственной Думы и 4) обезпеченіе возможности для Думы участвовать въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій администраціи.

Самъ по себѣ, по своему внутреннему содержанію, манифестъ 17 октября давалъ широкія обѣщанія русскому народу, и вполнѣ естественно, что многіе его привѣтствовали какъ зарю новой политической жизни Россіи. Но вся трагедія его заключалась въ томъ, что онъ явился актомъ недобровольнымъ, вынужденнымъ, что самъ монархъ не понималъ и не хотѣлъ понимать всего его значенія. Осуществленіе новаго строя было поручено старымъ людямъ, — царедворцамъ и бюрократамъ.

События заставили самодержца отречься отъ неограниченнаго самодержавія. Но это отреченіе не было искреннимъ и честнымъ. Превращаясь на бумагѣ въ конституціоннаго монарха, на самомъ дѣлѣ Николай II продолжалъ оставаться настоящимъ восточнымъ деспотомъ. Онъ не измѣнился, а лишь еще болѣе озлобился.

Революціонная волна нѣсколько улеглась. И немедленно же началась борьба власти съ освободительнымъ движеніемъ. Во главѣ правительства сталъ гр. Витте. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ П. Н. Дурново, типичный бюрократъ дореформеннаго времени, реакціонеръ съ головы до ногъ. Естественно, что рядомъ съ такимъ коллегой, отказались войти въ составъ совѣта

министровъ нѣкоторые общественные дѣятели, которымъ Витте предлагалъ портфели.

Дурново ретиво принялся за дѣло „усмиренія революціи“. Въ Польшѣ было объявлено военное положеніе. Вожди рабочаго движенія постепенно арестовывались. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ снова объявилъ всеобщую забастовку, но она не прошла. Правительство, ободренное этимъ обстоятельствомъ, разгромило совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Озлобленные и потерявшіе равновѣсіе революціонеры объявили завѣдомо безполезное вооруженное возстаніе въ Москвѣ. Возстаніе было подавлено безъ особеннаго труда, и правительство лишь выиграло отъ этой бойни: многіе умѣренные элементы общества отшатнулись отъ революціи, ибо увидѣли въ ней угрозу всякому общественному порядку и опасность современному соціальному строю.

А реакція не дремала. Какъ только царь увидѣлъ, что его тронъ перестаетъ колебаться, онъ снова рѣшилъ урѣзать все, что возможно, отъ своихъ обѣщаній. И вотъ, 20 февраля 1906 года издается новое положеніе о Государственной Думѣ и о Государственномъ Совѣтѣ. Согласно этому положенію, Государственный Совѣтъ изъ учрежденія законосовѣщательнаго превращается въ учрежденіе законодательное. Его составъ вполнѣ обезпечиваетъ постоянное торжество въ немъ реакціонныхъ и послушныхъ правительству элементовъ: половина его членовъ назначается монархомъ, а другая половина избирается отъ привилегированныхъ сословій и классовъ страны. Государственный Совѣтъ въ своихъ законодательныхъ правахъ уравнивается съ Думою, чѣмъ свободная дѣятельность народнаго представительства связывается по рукамъ и ногамъ.

Но этого еще мало. Наряду съ законодательнымъ творчествомъ, бюрократія работаетъ и по администра-

тивной части. Стѣсняется свобода собраній и союзовъ, практически сводятся на нѣтъ возвѣщенныя манифестомъ 17 октября гражданскія свободы. Повсюду вводятся исключительныя положенія.

И здѣсь умѣстно отмѣтить одинъ эпизодъ, весьма характерный для бывшаго царя. Въ концѣ февраля судили лейтенанта Шмидта, героя севастопольскаго мятежа 15 ноября 1905 года. Военный судъ приговорилъ его къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Но вся общественная Россія содрогнулась отъ этого приговора. Въ Шмидтѣ всѣ видѣли благороднаго фанатика идеи, и кромѣ того огромную духовную величину, могущую еще принести много пользы родинѣ. И вся Россія умоляла, просила, требовала смягченія участи Шмидта. Газеты и журналы были полны письмами въ редакціи. Просили видные общественные дѣятели, просили писатели, просили адвокаты, врачи, вообще вся интеллигенція встрепенулась и съ единою мольбою обращалась къ власти. Просили рабочіе и крестьяне. И всѣ понимали, отъ кого могло исходить помилованіе...

Но помилованія не дождались. Впрочемъ, приговоръ былъ смягченъ командиромъ черноморскаго флота: повѣшеніе было замѣнено разстрѣляніемъ! И на разсвѣтѣ 5 марта народный герой былъ разстрѣлянъ плакавшими отъ горя товарищами-матросами, за которыми стоялъ съ заряженными винтовками батальонъ солдатъ. Царь не нашелъ возможнымъ пойти навстрѣчу русскому обществу: повидимому, онъ думалъ, что уступкой онъ поколебалъ бы „престижъ власти“... Жалкая ослѣпленность, роковое заблужденіе!

Реакція торжествовала во всю. Тюрьмы были полны и „спокойствіе возстановлено“. Приближалось время созыва Думы.

Избирательный законъ былъ опубликованъ 11 де-

кабря 1905 года. Это была „ставка на мужичка". Крестьянству отводилась преобладающая роль въ дѣлѣ выборовъ, ибо правительство разсчитывало, что мужикъ всегда поддержитъ царя-батюшку. Но дѣйствительность показала нѣчто совсѣмъ другое.

Результаты выборовъ были очень неблагопріятны для бюрократіи. Повсюду прошли сторонники народа, представители партіи народной свободы и болѣе лѣвыхъ группъ. Дума обѣщала быть неугодной прислужникамъ стараго строя.

И тогда правительство предприняло еще одинъ шагъ. За три дня до перваго засѣданія Государственной Думы, 23 апрѣля 1906 года, были опубликованы, въ порядкѣ именного указа Правительствующему Сенату, новые основные законы русскаго государства, въ которыхъ были сведены въ одинъ законодательный актъ изданныя ранѣе наиболѣе существенныя постановленія, касающіяся государственнаго устройства, верховнаго управленія и личныхъ правъ гражданъ. До созыва народнаго представительства императоръ Николай спѣшилъ укрѣпить свою власть и сдѣлать ее недосягаемой для русскихъ гражданъ. Плоды революціи были почти цѣликомъ поглощены старымъ порядкомъ. За государемъ былъ сохраненъ титулъ самодержавнаго, и только ему одному было предоставлено право возбужденія вопроса о пересмотрѣ основныхъ законовъ. Русское государственное устройство получало какой-то двойственный самодержавно-конституціонный характеръ. Увѣренный въ своей силѣ, царь снова возвращался къ такимъ пріемамъ царствованія, которымъ позавидовалъ бы любой древній тиранъ.

Первая Дума — „Дума народнаго гнѣва" — просуществовала недолго, всего на всего 72 дня. Она принесла съ собою въ Таврическій дворецъ всю горечь обма-

лутыхъ народныхъ чувствъ и разбитыхъ надеждъ, всю боль изстрадавшагося народа; и первымъ ея словомъ, подобнымъ народному стону, прозвучало слово „амнистія". Народъ готовъ былъ забыть обиды, но онъ требовалъ, чтобы власть открыто и честно пошла ему навстрѣчу; онъ считалъ долгомъ своей чести, своей совѣсти возвратить свободу тѣмъ, кто боролся за его свободу. Дума просила правительство о политической амнистіи.

Амнистія по русскимъ законамъ могла быть дарована только монархомъ. И, конечно, къ царю, къ престолу обращалась Дума съ ходатайствомъ о забвеніи старой борьбы. Но царь не внялъ народному голосу. Тюрьмы не опустѣли...

Дума въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь царя подробно и ясно изложила тѣ мѣры, которыя считалъ необходимыми народъ для обезпеченія блага и спокойствія государства. Дума говорила о землѣ и волѣ. Но въ отвѣтъ на этотъ отвѣтный адресъ явился въ Думу совѣтъ министровъ, предсѣдатель котораго, Горемыкинъ, прочелъ суровое наставленіе народному представительству: одни изъ думскихъ требованій правительство признаетъ недопустимыми, другія считаетъ не подлежащими разсмотрѣнію и пр. Дума потребовала немедленнаго выхода министерства въ отставку. Уволить министерство былъ вправѣ только монархъ; но онъ всецѣло сталъ на сторону Горемыкина и распустилъ „крамольную" Думу. Народные представители пытались сопротивляться, но сопротивленіе оказалось безплоднымъ... „Дума умерла, да здравствуетъ Дума", воскликнулъ англійскій первый министръ, когда вѣсть о роспускѣ пришла въ Лондонъ.

И поистинѣ, Дума умерла, но память о ней жива

въ Россіи. Для дѣла свободы ея смерть была призывомъ къ новой борьбѣ и побѣдѣ.

Послѣ роспуска первой Думы наступило торжество самой мрачной реакціи. Горемыкинъ былъ замѣненъ Столыпинымъ, и одною изъ первыхъ мѣръ новаго временщика было введеніе во всей Россіи военно-полевыхъ судовъ, залившихъ кровью несчастную страну. Говорятъ, что идея примѣненія военно-полевыхъ судовъ къ мирному населенію принадлежала не кому другому, какъ самому царю...

Тысячи русскихъ гражданъ были казнены. Но революція все же не была еще подавлена. Собралась вторая Дума, избранная въ атмосферѣ чернаго террора и неслыханнаго административнаго произвола. Она оказалась еще болѣе ненавистной власти, нежели первая. Черезъ три съ половиною мѣсяца она была распущена, при чемъ при роспускѣ ея, вопреки основнымъ законамъ (ст. 87), былъ измѣненъ избирательный законъ. Преобладающая роль въ новыхъ выборахъ была отведена помѣщикамъ и крупной буржуазіи.

Власть совершила революцію сверху. Убѣдившись, что сила на его сторонѣ, правительство откровенно нарушило конституцію страны. Весьма любопытно оправданіе переворота, приводимое въ манифестѣ 3 іюня 1907 года:

„Только Власти, даровавшей первый избирательный законъ, исторической власти Русскаго Царя, довлѣетъ право отмѣнить оный и замѣнить его новымъ. Отъ Господа Бога вручена Намъ власть Царская надъ народомъ Нашимъ. Предъ Престоломъ Его Мы дадимъ отвѣтъ за судьбы Державы Нашей".

Послѣдующіе годы могли лишь укрѣпить императора Николая II въ его мистико-самодержавномъ міросозерцаніи. Наступило длительное „успокоеніе". „Порядокъ" не нарушался. Громко звучалъ лишь командный голосъ Столыпина.

Третья Дума кончила свои дни безславно и тускло. Четвертая Дума избиралась уже подъ знакомъ вновь поднимающагося оппозиціоннаго настроенія.

Великая война разомъ всколыхнула всю Россію. Вся она объединилась въ патріотическомъ стремленіи защитить родину. Грѣхи власти были прощены и забыты. На призывъ манифеста „забыть внутреннія распри" единодушно откликнулась вся страна.

Въ Петербургѣ народъ опустился на площади передъ царемъ на колѣни. Царь произнесъ рѣчь, въ которой, подражая своему прадѣду, далъ торжественное обѣщаніе не заключать мира до тѣхъ поръ, „пока хоть одинъ вооруженный непріятель останется на землѣ русской". Это былъ великій моментъ, когда монархія вновь могла окружить себя нравственнымъ ореоломъ, вновь утвердить себя въ сознаніи народномъ...

Но недолго продолжался праздникъ единенія. Старая власть позорно проигрывала войну. Тревога охватила Думу, и она рѣшила сама взять на себя высшій надзоръ за веденіемъ государственныхъ дѣлъ. Сухомлиновъ, преступно предавшій интересы родины, былъ удаленъ съ поста военнаго министра послѣ долгаго сопротивленія императора, который продолжалъ вѣрить ему до послѣдней минуты. „Я не забуду этого Думѣ", будто бы произнесъ царь, подписывая указъ объ отставкѣ. Но не только въ Сухомлиновѣ была опасность. Выяснилось, что вся старая *система* управленія пришла въ полную негодность. Прогнили корни старой власти. И народное представительство заявило о необходимости смѣнить плохое правительство, призвавъ на его мѣсто людей, пользующихся довѣріемъ страны. Въ отвѣтъ Дума была распущена на продолжительное время. Горемыкинъ былъ затѣмъ смѣненъ Штюрмеромъ!

А военныя дѣла шли хуже и хуже. Началась дезорганизація тыла. Правительство же, вмѣсто того, чтобы заняться организаціей побѣды надъ Германіей, приступило къ борьбѣ противъ собственнаго народа.

Нѣтъ надобности подробно напоминать о фактахъ—они и такъ у всѣхъ на памяти. Въ общество и народъ стали проникать слухи за слухами. Говорили о какихъ-то „темныхъ силахъ“, о „старцахъ“, о Распутинѣ.

Дума и даже Государственный Совѣтъ вынесли рѣзкія резолюціи съ требованіемъ устраненія темныхъ силъ отъ вліянія на политическую жизнь страны. Въ засѣданіи Думы, 1 ноября 1916 года, депутатъ Милюковъ, съ фактами въ рукахъ, съ высоты парламентской трибуны бросилъ главѣ правительства, Штюрмеру, обвиненіе въ предательствѣ, въ измѣнѣ и, кромѣ того, во взяточничествѣ. Тотъ же депутатъ привелъ выдержку изъ нѣмецкой газеты, гдѣ злорадно указывалось, что дѣла Россіи вершитъ „партія, группирующаяся вокругъ молодой царицы“ и состоящая прежде всего изъ трехъ лицъ: Распутина, Питирима, Штюрмера.

Правительственная цензура строжайше запретила опубликованіе отчета о думскомъ засѣданіи 1 ноября. Однако, рѣчи Милюкова, Шульгина, Маклакова и др. немедленно же въ милліонахъ экземпляровъ распространились по всей странѣ. И страна задумалась тяжелою, мрачною думою.

Репутація Распутина была уже давно и прочно установлена. Это былъ прежде всего отъявленный развратникъ, хлыстъ, осквернявшій всѣхъ, кого касался. Это былъ пьяница, конокрадъ, мошенникъ чистой воды. И вдругъ такой человѣкъ стоитъ у вершины власти, у трона Россіи! Такого позора еще не видала русская земля.

Всѣ знали, что къ вершинѣ власти приблизила

Распутина царица, усмотрѣвшая въ немъ нѣкій символъ русскаго народа, того легендарнаго „мужика", о которомъ она когда-то читала фантастическіе разсказы въ нѣмецкихъ книжкахъ для дѣтей и учащихся. „Мужикъ" сумѣлъ понравиться романтически настроенной государынѣ, и она довѣрилась ему на позоръ себѣ и на горе несчастной Россіи. Теперь уже съ несомнѣнностью можно сказать, что никто болѣе, чѣмъ Распутинъ, не способствовалъ развѣнчанію монархіи въ широкихъ кругахъ русскаго общества и народа.

Царица, окруженная „простецами"—съ одной стороны и придворными льстецами—съ другой, вообразила себя „второю Екатериною", и, вообразивъ, стала вмѣшиваться во всѣ государственныя дѣла. Будучи умнѣе царя и пользуясь съ его стороны неограниченнымъ довѣріемъ и сочувствіемъ, она фактически правила Россіей за эти послѣдніе роковые годы.

Нездоровый, упадочный мистицизмъ господствовалъ при дворѣ. Возникшій значительно ранѣе, во время войны онъ достигъ размѣровъ явно ненормальныхъ и опасныхъ для государства.

И здоровый инстинктъ самосохраненія заставилъ Россію открыто возстать противъ болѣзни ея высшей власти.

Протестовало все общество. Устраненія темныхъ силъ и призванія власти народнаго довѣрія требовали земства, города и прочія общественныя организаціи. Даже совѣтъ объединеннаго дворянства присоединилъ свой голосъ къ общему хору. Роптали даже великіе князья.

Послѣ 1 ноября Штюрмеръ былъ устраненъ, но старая система управленія осталась безъ измѣненія. „Темныя силы" торжествовали попрежнему.

17 декабря былъ убитъ Распутинъ, гидра бѣсовской рати, окружавшей русскій престолъ. Страна облегченно

вздохнула въ надеждѣ на скорое оздоровленіе власти. Но оздоровленія не наступило и тутъ.

Первенствующую роль при дворѣ сталъ играть Протопоповъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, бывшій товарищъ предсѣдателя Государственной Думы. За близость къ трону онъ не задумался предать народное дѣло, обмануть довѣріе, возлагавшееся на него. Тщеславный и ограниченный, не брезгающій никакими средствами онъ сошелся съ Распутинымъ, и послѣдній, въ гробъ сходя, его благословилъ.

„Етотъ, съ бѣлыми усьми, безпремѣнно Рассею спасетъ", будто бы говорилъ царицѣ и царю про новаго министра внутреннихъ дѣлъ старецъ Григорій Ефимовичъ. И царская чета вняла своему пророку.

Но уже переполнилась чаша народнаго долготерпѣнія. Не на что было больше надѣяться. И народъ въ свои руки взялъ власть, и сокрушилъ царскій тронъ. Совершилось то, что уже не могло не свершиться.

V.

Но все-таки какова же роль самого царя Николая II во всей этой грустной и тяжелой исторіи?

Конечно, лишь будущее можетъ спокойно и объективно разобраться во всѣхъ подробностяхъ минувшаго царствованія, лишь будущему принадлежитъ право постановить рѣшающій приговоръ о немъ. Для насъ же, современниковъ, оно слишкомъ близко, чтобы мы къ нему отнеслись безпристрастно, и слишкомъ еще неясно, чтобы мы сумѣли окончательно его оцѣнить. Однако, подведеніе нѣкотораго итога допустимо и для насъ.

Повидимому, можно считать доказаннымъ, что во всей послѣдней эпохѣ русской исторіи царь Николай II

игралъ вовсе не такую блѣдную и жалкую роль, какъ это иногда казалось. При всей своей безцвѣтности онъ постоянно велъ одну опредѣленную политику, и при всей своей кажущейся безвольности онъ всегда и отчетливо сознавалъ свою цѣль.

Онъ былъ обаятеленъ, очарователенъ въ личномъ общеніи—это согласно признаютъ всѣ, кто общался съ нимъ. Онъ умѣлъ расположить къ себѣ едва ли не всякаго собесѣдника, въ которомъ нуждался и даже въ которомъ не нуждался, и здѣсь недаромъ его сравниваютъ съ Александромъ I. Онъ былъ изъ тѣхъ, кто мягко стелетъ.

Свѣтская воспитанность скрывала въ немъ черствую душу, и за внѣшнею обаятельностью становилась незамѣтною злобная мстительность, злопамятность его мелкой натуры. Деспотъ въ душѣ, онъ не терпѣлъ, чтобы вокругъ него были люди сильные и яркіе. Именно потому онъ такъ не любилъ Витте и Столыпина.

Ему нужна была лесть, онъ требовалъ поклоненія—этого дара ничтожныхъ натуръ,—онъ чувствовалъ себя хорошо лишь въ обществѣ Н. Маклакова, для царскаго увеселенія изображавшаго „прыжки влюбленной пантеры“, или Протопопова, изступленно лобызавшаго царскія руки и ноги. Онъ любилъ властвовать, онъ держался за власть. Это теперь стало уже несомнѣннымъ.

„У насъ царь блаженненькій“, часто говорили про него. „Онъ бы и радъ реформамъ, да царедворцы не позволяютъ“...

Нѣтъ ничего ошибочнѣе такого взгляда. Царедворцы мѣнялись, царь оставался прежнимъ. За времена „конституціи“ онъ былъ открытъ самымъ разнообразнымъ вліяніямъ—почему же не предсѣдатели Думъ, а „темныя силы“ вели его за собой?..

Безспорно, царица съ ея болѣзненнымъ мистицизмомъ и своеобразною гордынею маленькой нѣмецкой принцессы, ставшей русской императрицей, сильно дѣйствовала на мужа. Но и здѣсь нельзя сказать, чтобы послѣдній былъ вполнѣ пассивенъ. Непосредственное участіе въ дѣлахъ государственныхъ Александра Ѳеодоровна, повидимому, принимала лишь въ самые послѣдніе годы; между тѣмъ, все царствованіе Николая является послѣдовательнымъ развитіемъ единой мысли, единаго принципа.

„Свято хранить исконные завѣты предковъ“ считалъ онъ себя обязаннымъ, и судорожно хватался за власть, ускользавшую изъ его рукъ. Уступки, на которыя онъ въ силу необходимости шелъ въ послѣдній моментъ, не облегчали положенія, а лишь, напротивъ, осложняли его, затягивая агонію самодержавія и не удовлетворяя общества. Отнимая разъ данное, обманывая народъ при каждомъ удобномъ случаѣ, царь возбуждалъ въ Россіи ненависть къ монархіи. Чѣмъ дальше, тѣмъ все яснѣе и яснѣе становилось для всѣхъ, кто истинный виновникъ великихъ нашихъ національныхъ страданій. Противомонархическое настроеніе, почти отсутствовавшее въ Россіи въ началѣ послѣдняго царствованія, слабое еще въ 1905 году, за два съ половиною года войны достигло огромнаго распространенія и огромной силы. И теперь едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что монархія окончательно, безповоротно утратила свой былой ореолъ въ глазахъ русскаго народа. Нельзя безнаказанно издѣваться надъ народной душой!

А, между тѣмъ, какія возможности открывались передъ бывшимъ царемъ! Кажется, исторія сдѣлала все, чтобы прославить его имя, и прославить не тою горькою, обидною славою, какою онъ нынѣ самъ прославилъ себя. Онъ могъ быть царемъ-реформаторомъ, царемъ-

освободителемъ. Будь онъ искренен и честенъ въ 1905 году, будь онъ благороденъ по отношенію къ первой Думѣ, Россія теперь шла уже давно бы по пути радостнаго, спокойнаго развитія, а не пребывала бы въ грозовой атмосферѣ потрясенія и катастрофы. Будь онъ разуменъ и честенъ въ 1914 году, народъ бы все простилъ ему, обо всемъ бы забылъ, и блескъ побѣднаго величія освѣщалъ бы нынѣ нашу родину. Даже еще совсѣмъ недавно, даже 1 ноября, даже 17 декабря 1916 года не было совсѣмъ поздно... Но всѣ сроки были пропущены, и съ упрямствомъ рокового безумія боролся царь противъ собственнаго народа. Не внимая предостереженіямъ, ослѣпленный, какъ бы загипнотизированный, шелъ онъ къ страшной чертѣ.

Кого ненавидѣлъ народъ, того онъ приближалъ къ себѣ. Довѣріе народа было печатью проклятія въ его глазахъ. И кончилось тѣмъ, что вся страна отступилась отъ него. Отвергая избранниковъ народа, онъ самъ сталъ отверженнымъ.

Въ двадцатомъ вѣкѣ онъ хотѣлъ править посредствомъ идей и пріемовъ шестнадцатаго. Но онъ былъ слишкомъ мелокъ для неограниченнаго самодержца, и слишкомъ бездарная челядь окружала его. Сторонясь отъ людей таланта и труда, онъ предавалъ тронъ на растерзаніе хищниковъ и на безчестіе проходимцевъ. Россія становилась посмѣшищемъ для иностранцевъ. Наше національное достоинство систематически унижалось тѣмъ, кто былъ призванъ стоять на его стражѣ. И, наконецъ, въ послѣдніе дни ребромъ встала дилемма: или старый строй и пораженіе, или революція и побѣда.

Теперь вопросъ уже рѣшенъ: кончилось мрачное

царствованіе, Россія стала свободной. Свобода должна ей дать побѣду.

Монархъ палъ, вѣроятно, пала и монархія. И это очень отрадно: опасенъ тотъ государственный строй, при которомъ возможна власть людей, подобныхъ Николаю II.

Тел.: 7-83, 2-04-24, 2-69-25, 3-40-59.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Д. Я. МАКОВСКАГО.
МОСКВА, Арбатская пл., Филип. п., соб. д.

Адр. для телеграммъ: Москва, Маковскому.

НАРОДНОЕ ЧТЕНІЕ.

Подъ общей редакціей Я. Д. МАКОВСКАГО.

Брошюры по 10 коп. (16 стр. крупнаго шрифта).

1. Народъ и Учредительное Собраніе.
2. Демократическая Республика.
3. Царская власть и Св. Писаніе.
4. Воля, земля и трудъ.
5. Кто долженъ владѣть землею?
6. Левъ Толстой о царской власти.
7. Чего добиваются русскія полит. партіи.
8. За что борется рабочій народъ.
9. Почему пало въ Россіи самодержавіе?
10. Старый и новый порядокъ.
11. Избирательное право.
12. Чего хотятъ соціалисты.
13. Гражданинъ и его обязанности.
14. Народное правленіе въ чужихъ странахъ.
15. Политическая азбука (словарь).

Пересылка не менѣе 15-ти брошюръ за счетъ издательства.

Безъ задатка брошюры не высылаются.

Совѣтамъ Рабоч., Солд. и Крестьян. Депутатовъ, Общ. Организаціямъ, Земствамъ и оптовымъ заказчикамъ—ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ СКИДКА.